

ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В XVIII ВЕКЕ

Авторы анализируют трактат «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях» (1784), принадлежащий перу известного английского общественного деятеля XVIII в. Мартина Мэдана. Его интеллектуальное наследие является важным элементом дискуссии о путях и методах реформирования уголовно-исполнительной системы Англии XVIII в. уже после принятия Пенитенциарного акта 1779 г. В статье также реконструируется биография М. Мэдана, показано его профессиональное становление сначала как юриста, а затем блестящего методистского проповедника. Именно доскональное знание им английских правовых норм и виртуозное владение теологической риторикой стало тем фактором, который обеспечил его трактату широкое общественное признание, выразившееся не только в коммерческом успехе, но и конкретной юридической практике. Анализ трактата Мэдана в рамках современного ему историко-правового контекста с опорой на методологический аппарат «социальной истории культурных практик» и «интеллектуальной истории» позволил рассмотреть проблему общественного отношения к преступности на трех уровнях исследования: юридических механизмов отправления правосудия, институциональных отношений и общественного дискурса.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, уголовное правосудие, кальвинизм, пенитенциарные реформы, публицистика, смертная казнь

Английское уголовное правосудие XVIII века завоевало примечательное реноме равно как юридического, так и социально-культурного феномена. «Брендом» правоохранительной системы Англии Нового времени стал «Кровавый кодекс» – уголовное законодательство, по которому высшая мера (смертная казнь через повешение) применялась как панацея против всех совершенных проступков, начиная от кражи носового платка стоимостью в пять шиллингов, заканчивая жестоким убийством. В свое время знаменитый судья Верховного суда Великобритании, автор внушительного труда «Общий обзор уголовного законодательства Англии» (1863) сэра Джеймс Стивен оценивал законодательство XVIII века как «самое нелепое, самое безответственное и самое жестокое, которое когда-либо позорило цивилизованную страну»¹. Британский писатель и журналист Артур Кёстлер, размышляя о «родословной Кровавого кодекса» выделяет три причины его появления: во-первых, *утверждение промышленной революции*, когда «внезапное распространение крайней бедности, в сопровождении – как и должно было случиться – проституции, детского труда, пьянства и пре-

¹ Stephen 1863.

ступности, совпадало с беспрецедентным накоплением богатств, что само по себе было дополнительным стимулом к преступлениям». Во-вторых, *отвращение англичан к власти, что помешало созданию эффективной полиции*: «если бы это было сделано веком ранее, наша страна была бы избавлена от великого стыда и не менее великих ужасов»². Третья причина – *особенности английского «прецедентного» права*, когда судебное решение определенного должностного лица, вынесенное в отношении конкретных частных обстоятельств, регистрировалось и в дальнейшем служило прецедентом, на которые опирались последующие приговоры³. Все эти факторы в совокупности привели к тому, что XVIII столетие Англия встретила с уголовным кодексом, в котором смертная казнь полагалась за 50 видов преступлений, завершился же век списком, возросшим более чем в четыре раза! Так, например, в начале века смертная казнь за преступления имущественного характера полагалась в случае вооруженного грабежа со взломом, а цепочка прецедентов, на которые опирались в дальнейшем новые приговоры, привела к тому, что в последней четверти века смертная казнь вменялась за кражу мелких предметов дороже 12-ти пенсов.

Юридический феномен состоял в том, что количество отступлений от «кровавых кодексов» росло в геометрической прогрессии от числа «кровавых статутов», расширявших сферу применения смертной казни. По справедливому замечанию Дж. Тревелияна, «для уголовных преступников было легко с помощью мудрых законодателей ускользнуть на основе чисто формальных юридических ухищрений из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры. Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали»⁴. Историк окрестил этот феномен «нелогичным хаосом английских законов», когда «следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот»⁵. Известный английский правовед У. Блэкстон в своих «Комментариях к законам Англии» (1765) приводит пример: английские присяжные при решении дел о воровстве в 40 шилл., за которое закон грозил смертной казнью, объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шилл., чтобы таким образом избавить его от высшей меры.

Историки права досконально описали юридический дискурс эпохи «Кровавых кодексов». Необходимость кардинальной реформы уго-

² Кёстлер. Размышления о виселице.

³ См. напр.: Radzinowicz 1948; Кросс 1985.

⁴ Тревелиян 2002. С. 376.

⁵ Там же.

ловного законодательства «витала в воздухе» с предыдущего столетия, когда основатель религиозного движения квакеров Джордж Фокс обратился к парламенту с петицией, призывая к отмене смертной казни за имущественные преступления⁶, а его последователь Дж. Беллерс в памфлете «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни» заклеил «высшую меру как «пятно на религии» и «позор для нации»⁷. В ожидании реформы, ход которой существенно замедляли как раз особенности британского Common Law (общее, или прецедентное право), единственным способом борьбы с бурным ростом преступности оказалось как раз усиление «кровавости» уголовного кодекса.

Современная история, однако, идет значительно дальше нормативистских концепций в понимании и оценке исторических событий. Изучение социально-культурного контекста эпохи значительно усложняет понимание коллизий английского законодательства и уголовно-исполнительной практики XVIII в. По признанию современного британского историка Малколма Гаскилла в предисловии к изданию труда «Преступление и ментальность англичан раннего Нового времени»: «...мы пришли к аргументированному согласию в вопросе о том, *как* действовал уголовный закон, но вопрос: *почему* он был именно таким, все еще остается открытым»⁸. «Коллеги» Гаскилла «по цеху» – приверженцы методологии новой культурной истории – восприняли его призыв к пересмотру нормативистских концепций в оценке эпохи «Кровавых кодексов» и глубинному изучению ее социально-культурного фона. В последнее десятилетие появляются интересные исследования социальных, культурных, религиозных и личностных детерминант преступности эпохи Нового времени⁹.

Авторы статьи попытались реконструировать часть социальных и культурных практик рассматриваемой эпохи путем исследования интеллектуального наследия видного деятеля эпохи, активного участника дискуссии о путях и методах реформирования уголовно-исполнительной системы Англии XVIII в. – Мартина Мэдана. Следование перспективной модели «новой культурно-интеллектуальной истории» предполагает особый интерес к изучению интеллектуальной деятельности и продуктов человеческого интеллекта в рамках общекультурной парадигмы¹⁰. Коллизии уголовного правосудия вызывали бурную общественную полемику, выразившуюся в многообразии и массовости памфлетов, эссе и размышлений на предмет назревшей кардинальной

⁶ Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England...

⁷ См. подробнее: Васильева 2015.

⁸ Gaskill 2000. P. 19.

⁹ См. напр.: Hardman 2007; Throness 2008.

¹⁰ См.: Репина 2011. С. 339-343.

реформы системы исполнения наказаний. Первое десятилетие правления Георга III ознаменовалось началом «памфлетной войны»: «первое, что мы берем в руки утром – это пасквиль; последнее, что мы берем в руки вечером – это пасквиль», – признавался современник¹¹. Однако, «памфлетная война» (курсив наш) втянула ораторов проправительственных и оппозиционных кругов в риторику вокруг определенных внутриполитических вопросов. Изучение интеллектуального дискурса ожидаемой реформы уголовного правосудия позволяет говорить скорее о «памфлетных поединках» (курсив и термин наш) в презентации проектов анонимных и именных социальных реформаторов.

Оспорив категоричное утверждение Кёстлера об «отращении англичан к власти», выдвинем предположение: большинство этих памфлетов и проектов объединяет тот самый загадочный английский патриотизм, которому чужда «пылкость и помпезная выпренность», а свойственно не восхваление монархии или власти, а врожденная любовь к отечеству¹², гордость за величие своей нации и мучительная сопричастность к ее несовершенствам. Дж. Тревелиян, размышляя о складывании национального характера англичан Нового времени выделил черту, «игнорировать которую могут только фанатики»: «англичанин всюду, куда бы он ни попал, несет с собой чувство долга»¹³. Именно чувство долга в сочетании с привычкой к добровольному действию (когда англичанин ничего не ждет от «государства» и не передает свои дела на усмотрение правительству, а все делает сам или в содружестве с такими же людьми как он¹⁴) закрутили мощный водоворот движения за реформу системы уголовного правосудия. Остро осознавая современную им практику уголовных наказаний как «недостойную великой и состоятельной империи, развращающую национальную мораль и порочащую национальный характер»¹⁵, парламентарии, общественные деятели, публицисты, филантропы, представители разных религиозных движений взывали к изменению существующих методов борьбы с эскалацией преступности. «Мы не уступаем ни одной нации в отношении своих законов и правительства, – рассуждал автор проекта перехода от виселицы и высылки преступников к длительному одиночному тюремному заключению Джонас Хэнвей, – но, по странной фатальности, стране, достигшей такого величия, угрожает опасность изнутри: не из дремучих лесов и далеких гор, а из самого сердца мегаполиса»¹⁶.

¹¹ The Parliamentary History of England... Vol. XVI. 1765– 1771. P. 1165–1166.

¹² См., напр.: Соколов 2012. С. 77.

¹³ Тревелиян 2002. С. 385.

¹⁴ Соколов 2012. С. 65.

¹⁵ Buxton 1818. P. 139.

¹⁶ Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 10.

Вниманию читателя представляется биография и часть интеллектуального наследия популярного в свое время, но до сих пор малоизвестного в историографии, общественного деятеля второй половины XVIII в. Мартина Мэдана. Краткие биографические сведения о Мэдане содержатся в энциклопедических изданиях¹⁷, а также на страницах тематических интернет-проектов¹⁸, однако исследования, в котором в полной мере были бы отражены его политические, социальные и философско-религиозные взгляды, пока не представлено. Поэтому главным, а точнее единственным источником при анализе его взглядов послужили оригинальные произведения Мэдана, полнотекстовые версии которых доступны для исследователей¹⁹. Мартин Мэдан родился 5 октября 1725 года в Лондоне на Бонд-стрит. Его отец сделал равно удачную карьеру в военно-политической и придворной сферах, дослужившись до чина полковника, будучи лицом, приближенным к Фредерику, принцу Уэльскому, и представляя Хертингфордбери (графство Хертфордшир) и Уоттон Бассет (графство Уилтшир) в парламенте. Джудит Мэдан, урожденная Купер, незаурядная женщина, приобрела известность в литературных кругах благодаря своим поэтическим экзерсисам и стала одним из респондентов Александра Поупа.

Мэдан получил степень бакалавра права в Оксфорде и успел приступить к осуществлению честолюбивых замыслов на адвокатском поприще, где он, несомненно, добился бы успеха, если бы судьба не совершила неожиданный поворот. Визит в модную лондонскую кофейню в компании молодых повес обернулся глубоким душевным потрясением, направившим энергию амбициозного и перспективного юриста в совершенно ином направлении. Вот как описывает этот эпизод А.К. Сеймур, биограф герцогини Селины Хантингтон, на протяжении долгого времени оказывавшей покровительство Мэдану: «Как и у многих других его обращение произошло при обыденных обстоятельствах. Проповеди первых методистов привлекали всеобщее внимание и заставляли многих очнуться от оцепенения тупости и равнодушия. Как-то вечером мистер Мэдан оказался в кофейне в компании таких, как он сам, беззаботных друзей, которые предложили ему отправиться в расположенную поблизости церковь, где проповедовал Джон Уэсли, и по возвращении воспроизвести его речи и манеру изложения для развле-

¹⁷ Encyclopædia Britannica, 11th ed. // URL: http://encyclopedia.jrank.org/LUP_MAL/MADAN_MARTIN_1726_1790_.html; Dictionary of National Biography // <http://www2.le.ac.uk/library/find/databases/o/oxforddictionaryofnationalbiographyonline>

¹⁸ Everton-cum-Tetworth's History Page // URL: <http://www.bernardoconnor.org.uk/Everton/Index.htm>; The Cyber Hymnal Dedicated to the Glory of God // http://www.hymntime.com/tch/bio/m/a/d/madan_m.htm

¹⁹ https://books.google.ru/books?id=K0DAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

чения легкомысленной молодежи»²⁰. От Мэдана ожидали язвительной пародии на проповедь Джона Уэсли, но ораторский талант последнего покорило молодого человека, который вернувшись из кофейни, признался коллегам, что «старый методист положил его на лопатки»²¹. С юридической деятельностью и прежним образом жизни было покончено, Мэдан становится священником и «переходит в другой лагерь».

Опекаемый самыми влиятельными евангелистами в Лондоне Дэвидом Джонсом и Уильямом Ромэйном, а также герцогиней Хантингтон, наиболее влиятельной представительницей кальвинистского течения в методизме (согласно Сеймуру, она стала его «первым другом и наставницей в делах веры»), Мэдан с пылом неопита приступает к новой деятельности. «Обладая глубоким знанием Священного Писания, мистер Мэдан начал сеять семена веры в души своих последователей... Так как он обладал солидным состоянием, дававшим ему финансовую независимость, никто не мог упрекнуть его в корысти и личной заинтересованности, и, несмотря на то, что его брат Спенсер Мэдан был епископом Бристоля и Питерборо, никто не мог его упрекнуть в симпатии к Высокой церкви и, тем более, получении от нее каких-либо привилегий»²². Вскоре после рукоположения в сан, Мэдан произносит первую проповедь в церкви Всех святых на Ломбард-стрит. «Юрист, ставший священником, был у всех на устах», и лондонцы, которых привело праздное любопытство, стали свидетелями первого триумфа Мэдана. «Его красноречие завоевало и бедняков, внимавших с радостью, и богачей... И те, и другие были преисполнены восхищения. Хриплый глас предрассудков и невежества потонул в шуме аплодисментов и приветствий истинных друзей веры, которые вновь соприкоснулись с заветами Реформации, защищаемыми умелым адвокатом, чьи знания были равноценны рвению и пылу. Подобно Боанергесу²³, он провозглашал истины, раскаленной лавой изливавшиеся с пылающей вершины Сиона». Столь гипнотическое воздействие на слушателей Мэдан оказывал хорошо поставленным, богатым модуляциями голосом, не последнюю роль играли и внешние данные: правильные черты лица, живая мимика, высокий рост и статная фигура. «Его язык был прост и выразителен, доводы рациональны и логически выверены, его откровения проистекали из родника святости, ...а сам он был мастеровым, чей тяжелый труд заключался в том, чтобы вести людей в мир истины»²⁴.

²⁰ Seymour 1839. P. 165.

²¹ Ibid. P. 166.

²² Ibidem.

²³ Боанергес (дословно с арамейского «сыновья грома») – прозвище, данное Иисусом апостолам Иоанну и Иакову. Данный термин означает «многооречивый, громкоголосый проповедник».

²⁴ Seymour 1839. P. 167.

Мэдан становится капелланом венерологической больницы для раскаявшихся проституток на площади Гайд-Парк-Корнер. Его деятельность была столь успешной, а проповеди пользовались такой популярностью, что в 1762 г. к больнице была пристроена новая часовня. Ораторский талант и энтузиазм Мэдана сделали его персонажем, известным как в Лондоне, так и за его пределами: он проповедовал на модных курортах Бата, Челтнема, Танбриджа-Уэллса, совершал деловые поездки по городам и графствам Великобритании вместе со своими единомышленниками. К тому же Мэдан открыл в себе талант композитора. Собрание гимнов и псалмов, впервые вышедшее в свет в 1760 г., выдержало 13 изданий к 1790 г., а в течение XIX в. его произведения стали классическими, как, например, знаменитый рождественский гимн «Hark! The Herald Angels Sing». Последние годы жизни он провел в Эпсоме, занимаясь переводами поэзии Ювенала и Авла Персия Флакка: двухтомное издание увидело свет за год до смерти Мэдана в 1790 г.

Трактатом «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях»²⁵, опубликованным в 1784 г., Мэдан вновь углубляется в сферу юриспруденции, и не случайно объектом его интереса становится система уголовного правосудия. «Размышления...» подобно ручью органично влились в бурный поток общественной полемики, вызвал громкий резонанс. Трактат имел весомые последствия: в 1783 г., за год до его публикации, в Лондоне были преданы смертной казни 51 преступник, а в 1785, через год после триумфальных тиражей памфлета, исполнения приговоров к высшей мере возросли почти вдвое – до 97 чел.²⁶ Идеальный оппонент Мэдана, парламентарий, организатор и вдохновитель движения за ограничение смертной казни Самуэль Ромилли с горечью отмечал «маленький трактат, в котором... он [Мэдан] вздорно настаивает на целесообразности жесткого следования нашему Уголовному кодексу, кровавому и варварскому по своей сути, в каждом случае без исключения»²⁷. В ответном эссе «Замечания по поводу недавней публикации «Размышления об исполнительном производстве»²⁸ Ромилли возложил на Мэдана ответственность за «возрождение отвратительного спектакля». Однако, в отличие от ошеломляющего воздействия на публику трактата Мэдана, эссе Ромилли не имело успеха (было продано не более ста экземпляров). Возникает вопрос: какая магия убеждения была заключена в сравнительно небольшом сочинении (объемом 170 страниц текста крупным шрифтом), что, по свидетель-

²⁵ Madan M. Thoughts on executive justice...

²⁶ Romilly 1841. P. 65.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Romilly 1786. Vol. 1. P. 66.

ству С. Ромилли «некоторые судьи, и даже правительство, на время вооружились им [трактатом Мэдана] в своих рассуждениях»²⁹?

«Достоинство и процветание королевства в целом, как безопасность и счастье ее жителей, в частности, зависят от надлежащего исполнения законов»³⁰, – уже первый тезис, выдвинутый Мэданом, и само его обращение к этой теме, показали, что годы теологических дискуссий и миссионерской деятельности не умалили его интерес к, казалось бы, благополучно забытой первой профессии. Закон является гарантом неприкосновенности собственности, и неисполнение или частичное исполнение буквы закона ведет к хаосу и дестабилизации, что выражается и в ухудшении криминогенной ситуации. «Ни одна цивилизованная нация так не страдает, как мы, от ежедневно совершаемых преступлений: мы не можем спокойно путешествовать, спать в своих домах, держать скот в полях без нависшей над нами угрозы разбоя и хищения имущества... Случаи оного так возросли в количественном отношении, что и день не более безопасен, чем ночь, и суровая действительность изобилует примерами варварской жестокости в отношении тех несчастных, которые попали в руки злостных нарушителей общественного порядка»³¹. Любопытно, что патетика автора почти дословно совпадает с мыслями, высказанными его «коллегой по цеху» интеллектуалов-реформаторов Джонасом Хэнвеем: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города. Можно, безусловно, удалиться в поместье за несколько миль от столицы, но и этого не сделаешь без хорошо вооруженной охраны или готовности в случае нападения заплатить, сколько потребуют ради сохранения жизни... Так как же после этого мы можем утверждать, что мы – свободная нация?»³²

Сложившаяся ситуация, по убеждению Мэдана, буквально вызывает к исправлению, при этом он, как трезвый реалист, в пику любителям поностальгировать о «старой доброй Англии» отдает отчет, что «лекарство» надо искать не в прошлом: «Я далек от того, чтобы призывать читателя вернуться во времена короля Альфреда, чьи мудрые постановления возлагали на подданных равный груз ответственности за общественную безопасность... прошло слишком много времени и от прежних учреждений остались только названия»³³. Мэдан не претен-

²⁹ Romilly 1842. P. 65.

³⁰ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 1.

³¹ Ibid. P. 4-5.

³² Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 63.

³³ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 6-7.

дует на оригинальность и не углубляется в дебри юриспруденции, предлагаемый им рецепт прост и незатейлив, сводясь к следующей максиме: *неукоснительно соблюдать существующие и действующие на данный момент законы* (курсив наш). Жалобы на суровость уголовного законодательства вызывают у Мэдана недоумение, ведь, по его убеждению, «добродетельным и благоразумным гражданам более приличествует не сетовать о суровости законов, а уповать на нее», как на защиту от посягательства на жизнь и собственность от тех, кто стоит по другую сторону баррикад. Полемизируя по вопросу еще одной распространённой претензии к содержанию «кровавых кодексов» – их крайней избыточности, Мэдан вновь переходит на менторский тон: «Разбойники прячутся на городских улицах и сельских дорогах и словно ядовитые гадюки выжидают, чтобы выпустить смертоносное жало; взломщики, подобно злым духам, не оставляют в покое дома мирных жителей; овец похищают из полей, быков и лошадей – прямо из стойла, даже не дожидаясь темноты... И это только малая часть преступлений, которыми переполнены судебные протоколы, что несомненно является национальным позором и притчей во языцех для иностранцев»³⁴. Прежде чем жаловаться на избыточность законов, – в ответ на аргументацию Ромилли и его единомышленников парирует памфлетист, – логично было бы поразмышлять о количестве поводов, которые вызывают к жизни эти драконовские меры.

Концептуальное ядро критики трактата Мэдана сосредоточено на фигуре представителей правоохранительной системы – судей и присяжных заседателей. Комментируя эссе Мэдана, Ромилли заметил: «это мощное и неистовое порицание судей и министров за процедуру отправления правосудия, и частоту помилований, которые они допускают»³⁵. Мэдан вспоминает разговор с неким «известным барристером», который поведал ему весьма занимательный анекдот: на выездной сессии в Норфолке он беседовал с ветераном криминального мира, в очередной раз приговоренным к смертной казни. На вопрос, почему тот всякий раз возвращался к преступному ремеслу, преступник отвечивал примерно следующее: «О, сэр, ведь существуют так много разных обстоятельств в нашу пользу, и так мало в пользу тех, кто против нас. Во-первых, маловероятно, что нас обнаружат, еще меньше – что схватят, еще меньше – что приговорят к смерти, и, я ставлю двадцать против одного, что приговор приведет в исполнение»³⁶.

Бывалый «ветеран» практически воспроизвел статистику, которую последующие поколения историков-правоведов скрупулезно восста-

³⁴ Ibid. P. 8.

³⁵ Romilly 1842. Vol. 1, 65.

³⁶ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 37.

навливали по крупицам: российский юрист А.Ф. Кистяковский в диссертационном исследовании о смертной казни приводит такие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 г. было приговорено к смертной казни 1 тыс. 121 чел., из них действительно казнены 678 чел.³⁷ Британская историография доверяет исследованиям историка права В. Гэтрелла: по его подсчетам, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 тыс. чел., но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров³⁸. Для «накала страстей» Мэдан цитирует монолог персонажа комедии У. Шекспира «Мера за меру»:

«Имеем мы суровые законы,
Узду для необезженных коней,
Но дремлют лет четырнадцать они,
Как дряхлый лев, который из пещеры...
Так законы наши,
Мертвы в возмездье, сами омертвели;
И вольность водит правосудье за нос...»³⁹

В собственных нелестных метафорах в отношении уголовно-исполнительной практики Мэдан не щадит чувства и репутацию законодателей и исполнителей: «уголовные законы – ни что иное, как огородное чучело, которое пугает только вначале, а когда его вид станет привычным, не вызывает и тени страха у самых робких представителей племени пернатых»⁴⁰. Несколько страниц спустя не менее сильный образ: «Наши уголовные законы подобны гадюшкам, у которых вырвали ядовитые клыки, они не причинят ни малейшего вреда тем, кто бросает им вызов»⁴¹. Обращаясь к практике отправления правосудия, Мэдан приводит многочисленные, вопиющие с его точки зрения, случаи, когда преступники отпускались на свободу. В одном из них пострадавшей стороной оказались три юные леди, которых ограбили на большой дороге среди белого дня, в другом пожилая супружеская чета, ставшая жертвой ночного взлома. И в обоих случаях смертный приговор был отменен, а преступники были отпущены на свободу, где благополучно вернулись к прежнему образу жизни. «Два вышеописанных случая – есть прямое доказательство того, что бездумное злоупотребление властью подрывает всю систему уголовного правосудия и ставит общественное благо в зависимость от волеизъявления отдельных людей»⁴². Таким образом, для Мэдана причина падения авторитета закона напрямую зависит от человеческого фактора. Возвращаясь к персонажу

³⁷ Кистяковский 2000.

³⁸ Gatrell 1994. P. 9.

³⁹ Шекспир У. Мера за меру / Пер. М.А. Зенкевича...

⁴⁰ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 19.

⁴¹ Ibid. P. 36.

⁴² Ibid. P. 60.

анекдота «известного барристера» Мэдан уверяет своих читателей: «Доводы этого негодяя вполне созвучны мыслям всех преступников королевства, что побуждают их упорствовать в своих злодеяниях, а газеты лишь поддерживают их уверенность в том, что их освободят, едва судьи покинут город»⁴³.

Логика рассуждений обнажает в авторе проповедника с блестящей юридической подготовкой. Мэдан настаивает на том, что различие между законом и волей тех, кто исполняет закон, исключительно пагубное явление, нарушающее баланс законодательной и исполнительной власти: «То, что судья имеет право помилования – справедливо, но то, что он этой прерогативой злоупотребляет, неправильно и нецелесообразно». Судьи ставят себя выше закона, позволяя эмоциям возобладать над должностными обязанностями магистрата, а между тем «сочувствие судьи должны вызывать не преступники, а общество, которому причинен вред»⁴⁴. Для Мэдана любая форма помилования – извращение Божьего повеления и начало гибели нации. Колебания судей, «ложно принимаемые за совесть», приводят к отсрочке исполнения наказания, что наносит двойной вред обществу. В юридическом плане нарушается принцип «неотвратимости наказания», продвигаемый Ч. Беккариа: «малое наказание, которое обязательно к исполнению, эффективней более сурового, но которого можно с высокой долей вероятности избежать». В пример автор приводит «варварскую» для утонченных англичан Шотландию, где, несмотря на то, что значительная часть населения промышляет воровством, ситуация на дорогах не в пример лучше, чем в цивилизованной Англии *в силу неукоснительного исполнения уголовного законодательства* (курсив наш). «Какая дикость, – восклицает он, – в торговой стране, граждане которой совершают постоянные деловые поездки, никто не может отъехать от дома на расстояние больше мили без риска быть ограбленным и убитым»⁴⁵.

В религиозном ракурсе отсрочка или отмена исполнения судебного решения трактуется Мэданом как вызов теологии небесного воздаяния, которое также оскорблено промедлением. Не будем забывать, что в богословском плане Мэдан тяготел к кальвинистскому методизму. Утвердившаяся с XVI в. кальвинистская догма об изначальной избранности одних и вечном проклятии, предопределенном для других, позволяла рассматривать жестокость наказания как очищение от преступления, искупление вины и примирение с Богом. Таким образом, для Мэдана кальвинистское учение о вечном наказании – неотъемлемая часть теологии судебного разбирательства, а любые отсрочки в испол-

⁴³ Ibid. P. 37.

⁴⁴ Madan M. Thoughts on Executive Justice, 46.

⁴⁵ Ibid. P. 73.

нении приговора, соответственно, нарушают принцип возмездия, а значит и Божественный порядок в целом. Подобными доводами Мэдан, по-видимому, оспаривал «вероятность судебной ошибки», которую как аргумент в пользу отсрочки смертной казни приводили Ромилли и его коллеги, доказывая, что нет большей несправедливости для правосудия, чем отправить на виселицу невиновного.

По замечанию американского исследователя Д. Коухена, для пуританских богословов, особенно тех, кто избрал миссионерство в колониях, многие невиновные были виновны только в юридическом плане. С точки зрения ортодоксального пуританизма у любого юридически невиновного человека найдется достаточно прегрешений, чтоб вывести его на эшафот, а оттуда к вечной смерти и адovým мукам⁴⁶. Интересно, что фактически аналогичное высказывание мы находим у Ж. де Местра: «В высшей степени вероятно, что мы заблуждаемся <...> ведь тот, кого мы считаем преступником, может и не быть таковым на самом деле. Но, с другой, стороны, столь же вероятно, что человек, осужденный на казнь за преступление, которое он не совершал, действительно заслуживает наказание, – но за другое злодеяние, нам абсолютно неизвестное»⁴⁷. Отметим удивительное совпадение взглядов апологета католицизма и ортодоксальных пуритан относительно неотвратимости наказания – с точки зрения божественного провидения и предопределения. Таким образом, казалось бы, средневековое предубеждение – если толпу не может обуздать проповедь, то пусть ужас террора проникнет в сердца, – явило поразительную «живучесть», перед которой оказался бессилён просветительский оптимизм в отношении возможностей усовершенствования человеческой природы.

Подводя итог трактату и его «громким» последствиям, попробуем избежать, однако, его односторонней оценки. Несомненно, эффект, произведенный «Размышлениями...» Мэдана был обусловлен несколькими обстоятельствами, в числе которых его блестящая репутация и высокий авторитет равно в вопросах теологии и юриспруденции, а также готовность влиятельных социальных групп к восприятию изложенных им идей. Будучи ярким представителем наиболее консервативного крыла идейных «генераторов» назревшей реформы, Мэдан не просто радел за жесткость и жестокость закона, как это может показаться на первый взгляд. Развивая свою максиму неукоснительного соблюдения существующих законов, Мэдан восходит к формулированию базовых целей уголовного права: охранительной, регулятивной, превентивной и воспитательной: «Предупреждение преступлений является желанным итогом суровой юридической процедуры [смертной казни]: допуская

⁴⁶ Cohen 1988.

⁴⁷ де Местр 1998. С. 35.

эту суровость в отношении виновного, законодатель не имеет другого намерения, кроме удержания от подобного преступления других, именно так достигая профилактической цели. Если не следовать этому до конца, смысл приговора будет утрачен, наказание станет бесполезным, и, в то же время, свершится несправедливость в отношении потерпевшей стороны. Но если суровая справедливость настигнет виновных, они, расплачиваясь за свое насилие и беззаконие, примером своих страданий послужат двум великим целям уголовного права: предотвращение подобного зла и гарантии безопасности обществу»⁴⁸.

Несмотря на подчеркнутую светскость трактата и превалирование в нем юридической составляющей, взгляды автора вполне созвучны духу ортодоксального кальвинизма: любое зло должно быть обуздано карой, выступающей в земной жизни в форме государственного правосудия, на неукоснительном исполнении которого покоится величие и мощь государства. Представление Мэдана о статичной безусловности государственного законодательства и недопустимости его трактовки и исполнения с точки зрения человеческого разумения и психоэмоционального состояния конкретных индивидов вполне коррелирует с центральным догматом кальвинизма о Священном писании как единственном и непогрешимом стандарте вере и жизни, не нуждающемся ни в комментариях, ни в рациональных доказательствах. Как обычный человек подчиняется в мирских и духовных делах авторитету веры, так и колебания судьбы в момент вынесения приговора должны быть подвластны духу и букве закона, служителем которого он является.

Из факторов, играющих ключевую роль в генерировании *преступления*: безразлично-снисходительная позиция общества, несовершенство законов и извращенная логистика их исполнения, Мэдан акцентирует внимание на последнем. Английское уголовное законодательство, по его мнению, не является ни избыточным, ни излишне жестоким, а напротив, соответствующим напряженной криминогенной ситуации. Но государство должно реагировать на рост преступности не наращиванием корпуса законодательных актов, а неусыпным контролем над системой судопроизводства и исполнения наказаний как одним из действенных инструментов управления и социального контроля.

Центральное звено в логической цепочке «преступление – суд – наказание» является тем «слабым звеном», которое грозит потопить корабль общественного баланса в океане криминального разгула, по мнению Мэдана, буквально захлестнувшего улицы городов и сельскую местность. При этом, сбой в системе Мэдан объясняет с психологических позиций, справедливо указывая на подмену профессиональной

⁴⁸ Madan, Thoughts on Executive Justice, 11.

этики эмоциональными эффектами, пригодными в частной жизни, но едва ли уместными в сфере уголовного правосудия. *Неуместными*, в первую очередь, в силу специфики английского прецедентного права, делающего чисто человеческие слабости служителей Фемиды источником новых правовых норм, совершенно неадекватных главной из стоящих перед ними задач – охране жизни и собственности граждан.

Современному читателю аргументы, неоднократно воспроизводимые на страницах трактата и подкрепляемые примерами из криминальной хроники XVIII века, вероятно, покажутся громоздкими, но на свою аудиторию Мэдан произвел отрезвляющее впечатление, подобное эффекту ледяной душа, с удивительной прозорливостью предугадав потенциальные пагубные последствия либерализации уголовного правосудия, как силы, защищающей свободы и интересы граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильева С.А. «Общество друзей» и трансформация системы исполнения наказаний в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 239-247.
- Кёстлер А. Размышления о виселице // URL: <http://e-libra.ru/read/220634-razmyshleniya-oviselice.html>
- Косых Т.А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 241–249.
- Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспр. по изд. 1867 г., Киев. Тула: Автограф, 2000.
- Кросс Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф.М. Решетникова; пер. Т.В. Апарова. М.: Юридическая литература, 1985. 238 с.
- Местр Ж. де. Санкт-Петербургские письма. СПб: Алетейя, 1998. 731 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Соколов А.Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии // Диалог со временем, 2012. Вып. 39. С. 77. С. 59-78.
- Треvelyан Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.
- Шекспир У. Мера за меру / Пер. М. А. Зенкевича // Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1949. Т. 7. С. 377–504.
- Vuxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., L.: J & A Arch 1818.
- Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly 40, no. 2 (1988). P. 147–64.
- Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000. 396 p.
- Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. 634 p.
- Fox G. To the Parliament of the Commonwealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed. L.: Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659 / URL: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.

- Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. 236 p.
- Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L.: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall. 170 p.
- Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L.; Cambridge, 1863. 500 p.
- Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. L., 1948.
- Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himselfe. L., 1842. Vol. 1. 460 p.
- Romilly, Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L.: T. Cadell, 1786 162 p.
- Seymour A.C. The life and times of Selina, countess of Huntington. Vol. 1. L.: William Edward Painter, 1839.
- Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 390 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. L.: T.C. Hansard, Peterborough-court, Fleetstreet, 1813. P. 1165–1166.

REFERENCES

- Vasil'eva S.A. «Obschestvo družej» i transformatsija sistemy ispolnenija nakazanij v XVIII veke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 53. S. 239–247.
- Kjostler A. Razmyshlenija o viselitse // [Electronic resource] Mode of access: <http://e-libra.ru/read/220634-razmyshleniya-o-viselice.html>.
- Kosyh T. A. Diskussija o patriotah i patriotizme v Britanii 60–70-h gg. XVIII v. // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 3 (154). S. 241–249.
- Kistjakovskij A.F. Issledovanie o smertnoj kazni / Vosproizvoditsja po izdaniju 1867 g., Kiev. Tula: Avtograf, 2000.
- Kross R. Pretsedent v anglijskom prave / pod red. F.M. Reshetnikova; per. Aparova T.V. M.: Juridicheskaja literatura, 1985. 238 s.
- Mestr. Zh. Sankt-Peterburgskie pis'ma – SPb: Aletejja, 1998. 731 s.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i isto-riograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Sokolov A.B. Anglijskij karakter: nemetskij travelog XVIII veka v zerkale sovremennoj kul'turnoj antropologii // Dialog so vremenem, 2012. - Vyp. 39. - S. 77. C. 59–78.
- Trevel'jan Dzh. M. Sotsial'naja istorija Anglii ot Chosera do korolevy viktorii. Smolensk: Rusich, 2002. 624 c.
- Shekspir U. Mera za meru / Per. M.A. Zenkevicha // Shekspir V. Poln. sobr. soch.: V 8 t. / Pod red. A. A. Smirnova. M. ; L.: Academia, 1949. T. 7. S. 377–504.
- Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., London, J & A Arch 1818.
- Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly 40, № 2 (1988). Pp. 147–64.
- Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000. 396 p.
- Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford. 1994. 634 p.
- Fox G. To the Parliament of the Commonwealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659.[Electronic resource: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.

- Hardman Ph. J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. 236 p.
- Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. , L., Printed fir J. Dodsley in Pall-Mall. 170 p.
- Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L.; Cambridge, 1863. 500 p.
- Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. London, 1948.
- Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himselfe. L., 1842. Vol 1. 460 p.
- Romilly, Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L.: T. Cadell, 1786. 162 p.
- Seymour A. C. The life and times of Selina, countess of Huntington. Vol. 1. L.: William Edward Painter, 1839.
- Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 390 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. L.: T. C. Hansard, Peterborough-court, Fleetstreet, 1813., pp. 1165–1166.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; i.erlihsn@rsu.edu.ru

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России; vasi-svetlana@yandex.ru

The ideology of conservative alternative to the English criminal justice reform in the 18th century

The article presents the analysis of the treatise by Martin Madan, a famous English public figure of the 18th century, under the title “Thoughts on Executive Justice: With Respect to Our Criminal Laws, Particularly on the Circuits. Dedicated to the Judges of Assize; ...By a Sincere Well-wisher to the Public” (1784). Madan’s intellectual heritage, factually unstudied in Russia, is a crucial element of the discussion on ways and methods to reform English criminal and penal system after the adoption of the Penitentiary act in 1779. The article reconstructs the biography of Madan, shows his professional formation, at first as a lawyer, and then as a brilliant Methodist preacher. In fact, it was his thorough knowledge of English legal regulations and virtual skills in theological rhetoric, that brought him public recognition, commercial success and profitable law practice. Madan’s treatise is analyzed in its modern historical and legal context on the base; methodological instruments of social history of culture practices and intellectual history have been used. This led us to observe the issue of public attitude to criminality on several research levels: law mechanisms of administration of justice, institutional relations and public discourse.

Keywords: England, 18th century, criminal justice, Calvinism, penitentiary reforms, journalism, death penalty

Irina Erlihson, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University named after S.A. Yesenin; i.erlihsn@rsu.edu.ru
Svetlana Vassilyeva, PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Philosophy and History of the Academy of Penal Service of Russia; vasi-svetlana@yandex.ru